

ПЕРЦЕПТУАЛЬНАЯ И КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЛОКАТИВНОГО ЗНАЧЕНИЯ АДЪЕКТИВНОЙ ПРИСТАВКИ

В науке о языке значения всех типов пространства (социального, ментального, эмоционального) традиционно интерпретируются как производные от значений вещного пространства. Такая установка обосновывается теорией, базирующейся на философском представлении о пространстве как форме существования материи и примате пространственных представлений человека. Так как главным каналом поступления информации является зрительный, то именно пространственные категории в силу их наблюдаемости признаются более легкими для познания и поэтому более ранними для языка. Кроме того, у человека нет других способов познания, как сравнение нового с уже познанным. Вследствие этого пространственные значения становятся базой для такого сравнения и средством выражения вновь познанных смыслов [Кустова 2004; Крейдлин 1994]. «Язык стремится использовать одну и ту же единицу для обозначения разных ситуаций за счет особых правил взаимодействия ее семантики с контекстом» [Плунгян, Рахилина 2000]. Значение многозначного слова представляет собой структуру, группирующуюся вокруг прототипа – базового зрительного значения [Langacer 1991, Janda 1993]. Исследование языка с этих позиций называется локалистской грамматикой.

Обозначение непространственных ситуаций с помощью локативных единиц языка интерпретируется как результат переосмысления былых пространственных представлений [Шерер 1979: 106], как освоение «нефизических ситуаций с помощью предикатов физических ситуаций» [Кустова 2004: 418], «метафора семантических пространств» [Крейдлин 1994: 19].

Базовость локативных значений объясняется и тем, что «локатив является импликацией существования: если объект существует, он где-то находится (не только в физическом, но и в разных типах нефизических пространств)» [Кустова 2000: 230].

Квалификация локативных значений как базовых развивается когнитивным направлением лингвистики. «Исследователи традиционно исходят в описании семантической структуры пространственно-дистанционных предлогов и наречий из геометрических характеристик сцены, которую задает предлог (наречие) в рамках локативного значения. Получив там искомый ал-

горитм, который представляет собой схематическое описание денотативной ситуации, сделанное на основе зрительной перцепции, они проецируют его на другие виды семантических пространств – временное, социальное и др. и ищут подтверждения в языковом материале выдвинутой гипотезе» [Кириченко 2000: 339]. [См. также: Селиверстова 2000, Маляр, Селиверстова 1998, Рябцева 1999]. Ненаблюдаемые ситуации квалифицируются как кальки с физических, в результате нематериальные объекты «представлены как аналоги физических объектов» [Кустова 2004: 58]. Представители этого направления считают, что «одной из главных задач исследования полисемии... является описание своего рода «когнитивного словаря», то есть тех концептуальных структур, которые связаны с языковыми знаками (и соответствующими им ситуациями) и благодаря которым эти знаки можно распространить на другие ситуации, и «когнитивной грамматики», то есть правил и механизмов, которые определяют такое распространение» [Там же: 11].

В последнее время все более популярной в русской лингвистике становится новая точка зрения на статус пространственного компонента в значениях языковых единиц: «Мы полагаем, что понятие пространственного прототипа как единственный инструмент анализа семантики предлога неудовлетворительно» [Плунгян, Рахилина 2000: 118]. Развитие значения языковой единицы рассматривается уже не как переход от конкретного к абстрактному, от видимого образа к более сложному концепту, структура которого полностью определяется исходным пространственным представлением. При описании значений многозначных единиц, в частности предлогов и глагольных приставок, исследователи задаются вопросом о роли пространственного компонента: «Является ли он определяющим для понимания механизмов полисемии предлога, или этой полисемией управляют другие закономерности?» [Пайар, Плунгян 2000: 83]. Сторонники нового подхода к интерпретации многозначности строевых элементов языка утверждают, что семантическую структуру таких единиц следовало бы описывать «не в рамках ставшего уже традиционным перцептивно-геометрического подхода, но с иных позиций» [Кириченко 2000: 351].

В работах современных лингвистов [Кронгауз 1998; Пайар, Плунгян 2000] развиваются идеи функционализма как основы преобразования прототипической ситуации: «функциональный компонент постепенно подавляет пространственный, становясь движущей силой в семантической эволюции предлога» [Пайар, Плунгян 2000: 84].

Таким образом, одной из самых активно обсуждаемых проблем современной русистики стала проблема соотношения пространственных и непространственных значений полисемантического слова.

Несмотря на интенсивно возрастающий интерес лингвистов к служебным единицам языка, семантика адъективных префиксов пока не стала предметом отдельного изучения, видимо, в силу того, что они являются элементами атрибутивных моделей, которым в лингвистике отводится статус периферийных [Гак 1998]. Сведения о значениях приставок прилагательных есть только в словарях и грамматиках, и чаще они не отличаются последовательностью и системностью. Такое положение дел говорит не столько о каких-либо лексикографических упущениях, сколько еще раз демонстрирует

сложность самой проблемы дефиниции значения приставки и предлога. Изучение роли локативного компонента в значении полисемантической единицы на материале адъективных префиксов позволяет проверить выводы, сделанные на другом языковом материале.

Как показал анализ, именно присвоение локативному компоненту статуса базового позволяет естественно и непротиворечиво описать сферу функционирования и развитие значений адъективного префикса. Базовое локативное значение прежде всего отражает прототипическую ситуацию: объект **У**, названный существительным в именной группе, находится в некоторой точке или зоне пространства по отношению к **Х** – объекту, названному производящим в отсубстантивном префиксально-суффиксальном прилагательном (*внеплощадочный* ‘находящийся за границами площадки’, *подводный* ‘находящийся ниже поверхности воды’).

Именно характер прототипической ситуации, значимость ее перцептуальных признаков, обеспечивающих узнаваемость прототипической ситуации в каждом из ее конкретных вариантов, то есть когнитивный вес перцептуальных составляющих прототипа, часто являются основой семантической емкости префикса.

Продемонстрируем эту позицию на материале приставки *на-*. Базовое значение приставки *на-* ‘**У находится на поверхности Х**’. Прототипическая ситуация характеризуется наличием контакта между **Х** и **У**.

При этом **Х** может концептуализироваться как горизонтальная поверхность (*надонный, наземный, напольный, напочвенный*), либо в нем может быть выделена горизонтальная плоскость как функционально важная часть **Х** (*настольный*).

Х может представлять из себя вертикальную плоскость (*настенный, наоконный, наскальный*) или вертикальный объект, имеющий поверхность (*настобельный, наствольный*), а также плоскость, не имеющую устойчивой горизонтальной или вертикальной ориентации (*накостный, накожный, настельный*).

Х к тому же может быть объектом, интегрированным в другой объект, имеющий поверхность (*надворный, нагуменный*). Двор и гумно являются постройками, расположенными на участке земли. *Надворный* и *нагуменный* обозначают ‘расположенный на территории двора, гумна’.

Достаточно полно представлены в качестве локумов в этой модели части человеческого тела, которые концептуализированы как области или точки, с которыми возможен контакт (*набедренный, набрюшный, наглазный, нареберный, налобный, наколенный*).

Как становится очевидным из анализа, свойства **Х** в пространственной конфигурации, выражаемой префиксом *на-*, не имеют значения. Важнейшим условием является только наличие контакта между **Х** и **У**.

Тип контакта также не важен. **У** может располагаться в любой части **Х**: *нагорный* может выражать локализацию в любой части гор, вертикально и горизонтально. Контакт локализован как по отношению ко всему **Х** (*набрюшный, нарукавный, нареберный*), так и по отношению к какой-либо части объекта (*наугольный, наконечный*). Область контакта представлена весьма разнообразно: **У** целиком, всей поверхностью находится на **Х**, интегрирован в ло-

кум (*настенный портрет, напольное покрытие, набедренная повязка, настельное белье, наскальные рисунки*); **У** касается **Х** одной из поверхностей, локум выступает в качестве опоры (*напольная ваза, настольная лампа, надворные постройки, настольный прицел*); тип контакта не определен, размыт, контакт выражается в том, что **У** находится в пределах **Х** (*нагорная растительность, набортные пассажиры, надомный работник*).

Как представляется, отсутствие каких-либо требований к типу объекта и типу локализации, «бледность» прототипической ситуации является причиной низкого семантического потенциала данной приставки, которая не развивает новых значений в пределах вещного пространства, не используется как средство концептуализации отношений в других сферах. Более того, значение '**У** находится на поверхности **Х**' часто выражается приставкой *над-*, которая в этой функции успешно конкурирует с *на-*.

В то же время достаточно определенные требования к типу объекта, предполагаемого в прототипической ситуации, отражаемой базовым значением префикса *внутри-*, порождают некоторый семантический эффект. Базовое значение приставки *внутри-* '**находящийся в пределах Х**' реализуется в значительном количестве прилагательных, обозначающих локализацию в вещном пространстве (*внутриатомный, внутривенный, внутридупловый, внутризеренный, внутрицентральной, внутрицилиндрический, внутрисалонный, внутриядерный*). Приставка в данных прилагательных отражает прототипическую ситуацию: **У** находится во фрагменте пространства, ограниченного **Х**. В этом случае в качестве локализатора выступает объект вещного мира, который концептуализируется как вместилище через задействованные категории внешней и внутренней области. **У** полностью находится в области **Х**, в том участке пространства, который определен внешними границами **Х**.

Тот же тип отношений зафиксирован и в прилагательных, в которых в качестве производящего выступают названия социальных образований (*внутрибюджетный, внутриклановый, внутриклубный, внутриколлективный, внутрисоюзный, внутрифирменный, внутриэлитный*), реалий ментального мира (*внутривидовой, внутригрупповой, внутрикомплексный, внутрисхемный, внутритиповой*), других систем, не относящихся к вещному пространству (*внутрикультурный, внутриспсихический, внутрিরоманный, внутрисайтовый, внутрисловный, внутриязыковой*), временных отрезков и событий (*внутривозрастной, внутрисменный, внутрисуточный*).

Использование данного префикса в качестве средства, маркирующего отношения между объектами не-вещного пространства, становится возможным после интерпретации этих объектов как вместилищ, имеющих внутреннюю область, противопоставленную остальному пространству.

Производящие в прилагательных с префиксом *внутри-* называют некоторую реалию, концептуализированную либо как целостный материальный или нематериальный объект (*дом, слово, политика, культура, день*), либо систему, совокупность объектов, воспринимающихся как некое единство (*город, вид, клан, клуб, правительство, семья, система*). Целостность и является тем основанием, на которое опирается сознание говорящего при концептуализации этих реалий как вместилищ, объектов, имеющих внутреннюю область и внешние границы.

Взаимодействие идеи целостности и идеи структурной зависимости *У* от *Х*, появляющейся при моделировании отношений в рамках нематериального объекта, позволяет использовать приставку *внутри-* в качестве средства, которое констатирует некое взаимодействие между несколькими *У*, входящими в состав *Х*-а (*внутрифирменные взаимоотношения* – отношения между работниками фирмы; *внутриязыковые сообщения* – сообщения между говорящими на одном языке, *внутриклубные ссоры* – между членами одного клуба).

Именно этот акцент придает приставка значению прилагательного, которое может быть синонимично бесприставочному: *внутриплеменной союз* – племенной, *внутривидовые различия* – видовые. Однако бесприставочное прилагательное может называть отношения между различными однородными *Х*, не входящими в одну систему: *племенной союз* является союзом разных племен, *видовые различия* скорее будут интерпретироваться как различия между разными видами. Прилагательное же с приставкой *внутри-* относит все эти явления только к данному *Х*, причем *Х* предстает состоящим из нескольких связанных *У*: *внутриплеменной союз* – между объектами, составляющими данное племя; *внутривидовые различия* – между представителями одного вида.

Таким образом, приставка *внутри-* способна в том числе указывать на наличие отношений между однородными объектами в рамках другого целостного объекта, отделенного границами *Х* от остального пространства. Последний признак ситуации (в рамках другого объекта) может редуцироваться, а область действия префикса расширяться и распространяться на ситуации отношений между однородными объектами, не объединенными в систему, общность (примеры 1 – 2).

1) *Пока можно остановиться на такой вероятности: все происходящее – внутриофицерская склока* (А. Азольский) – склока между офицерами, касающаяся только офицеров. При этом в значение слова *офицер(ы)* не входит смысл ‘класс’, ‘единство’, ‘совокупность’ (*офицер* ‘лицо командного и начальствующего состава армии и флота’). Но все же слово *офицеры* понимается не просто как форма множественного числа ‘офицеров больше одного’, а как ‘совокупность офицеров’, близко к собирательному значению существительного *офицерство*;

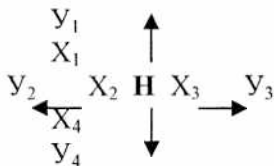
2) *За семь лет семейной жизни у них выработался определенный внутрисупружеский сленг* (Е. Козырева) – сленг, которым пользуются супруги.

Интересно, что использование префикса *внутри-* для выражения отношений между отдельными объектами, не составляющими единства, приво-

дит к тому, что такие реалии тоже начинают восприниматься как целое. Только при условии такой интерпретации объектов, названных производным, возможно адекватное понимание значения прилагательного: *внутри-супружеский* ‘используемый супругами’, а не ‘существующий внутри супруга(ов)’, *внутриофицерский* ‘происходящий между офицерами’, а не ‘существующий внутри офицера(ов)’. Базовая ситуация отвечает и в таких употреблениях, привнося дополнительные оттенки смысла в высказывание. При этом некоторая совокупность объектов начинает интерпретироваться как единый замкнутый объект, а те ситуации, которые маркируются префиксом *внутри-*, справедливы только для элементов этого объекта.

Однако наличие перцептуальной составляющей в локативном значении префикса не позволяет объяснить все употребления приставки, в том числе приставки *за-*.

Приставка *за-* имеет базовое значение ‘**находящийся от наблюдателя дальше, чем X**’. Значение дейктическое, так как реальное расположение объекта выявляется только относительно позиции наблюдателя.

Актуальными перцептуальными признаками прототипической ситуации служат наличие наблюдателя; возможность перемещения наблюдателя по отношению к **X** и **Y**; расположение объектов в горизонтальной плоскости **X** и **Y** на одной оси с наблюдателем, что позволяет ему оценивать локализацию **X** по отношению к **Y**; оценка локализации осуществляется с помощью трассы – направления взгляда наблюдателя. Расстояние от наблюдателя до **Y** больше, чем расстояние от наблюдателя до **X**.

Базовое значение реализуется в прилагательных, образованных от названий объектов, концептуализированных как двух- или трехмерные, не имеющие устойчивой фасадной ориентации в горизонтальной плоскости: *заграничный, заокеанский, зарубежный, заречный, заполосный, заозерный, залесный, загорный, заморский*. В зависимости от характеристик **X** значение может модифицироваться.

‘**Находящийся с тыльной стороны X**’. Модификация базового значения обеспечена тем, что производящие называют объекты, устойчиво ориентированные в пространстве, то есть имеют тыл и фасад и в норме располагаются к наблюдателю только одной стороной, которая и называется *фасад*. Таким образом, и наблюдатель в норме может располагаться только с фасадной стороны локума и отсюда оценивать пространственную конфигурацию, в результате чего дейктичность значения снимается: *запечный, задиванный, законный, заседельный*. Словарь отмечает такую специфику локума: *запрестольный* ‘находящийся в алтаре, позади престола’.

Как своеобразные фасадно ориентированные локумы локативно-атрибутивной языковой модели концептуализируются географические объекты. Позиция наблюдателя, зафиксированная в прилагательных, соответствует

позиции человека, находящегося в центре России, именно с этой точки зрения и оценивается локализация У: *заволжский* ‘располагающийся между Волгой, Уралом, Северным Уралом и Прикаспием’, *закавказский* ‘лежащий к югу от Кавказа’. Такая концептуализация позволяет с большой долей уверенности говорить о месте формирования языкового коллектива – носителя русского языка.

Вариантом такого коллективного наблюдателя является европеец, точка зрения которого зафиксирована в прилагательных *затундренский*, *заполярный*, *заполюсный*: У располагается севернее тундры, полярного круга, по другую сторону полюса. А в дефиниции прилагательного *заатлантический* словарь счел необходимым эксплицировать европоцентристскую модель (‘находящийся за Атлантическим океаном, американский’).

Европеец – это расширенная версия наблюдателя – носителя русского языка. Представлена и суженная версия – москвич, который находится в самом центре зоны, из которой ведется наблюдение (*замоскворецкий* ‘располагающийся за Москвой-рекой’).

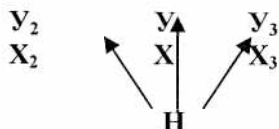
‘Находящийся позади Х’. Данное значение реализуется в прилагательных, образованных от названий частей тела человека. Дейкитичность значения снимается, так как производящие называют локумы, инкорпорированные в фасадно ориентированный объект – тело человека. Поэтому вне зависимости от того, лицом или спиной к наблюдателю располагается тот, относительно кого происходит локализация, прилагательные *заушный*, *заплечный*, *зашейный* будут обозначать то, что У находится ближе к задней части тела, чем Х (пример 3):

3) *Молодуха в черном тюрбане, расшитой красной нитью кофте, голубой тяжелой юбке со множеством складок, легко обгоняет меня, хотя из заплечной корзины смотрят трое – крохотный сорванец, показавший язык, похрюкивающий черно-белый поросенок, шевеливший пяточком, и вякнувший на меня щеночек* (В. Скворцов).

Словарь отмечает эту особенность значения: *зашейный* ‘относящийся к зашейне’, *зашейна* ‘задняя часть шеи’.

Кроме дейкитичности, из признаков базовой ситуации исключается обязательное горизонтальное расположение Х, У и наблюдателя. У в данном случае может располагаться на вертикальном Х (*застинный*). Однако взгляд наблюдателя, соединяющий Х и У, – это горизонтальная линия.

‘Находящийся выше Х’ (*заоблачный* ‘находящийся за облаками, выше облаков’, *занебесный*, *запланетный*). Данное значение отражает одну из модификаций базовой ситуации. Позиция наблюдателя фиксирована по отношению к Х, что предопределено природой вещей, поэтому дейкитичность снимается. Кроме того, трасса – направление взгляда наблюдателя – располагается вертикально или почти вертикально. Однако перцептивные условия не отличаются от тех, которые обнаруживаются в базовой ситуации: У находится дальше от наблюдателя, чем Х:

Поэтому и здесь мы будем говорить о варианте базового пространственного значения префикса, а не о новом значении.

‘Находящийся глубже в теле человека, чем X’. Данное значение реализуется в прилагательных с производящими, называющими части тела человека, концептуализированными как оболочки: *ззубный* ‘образующийся при сближении кончика языка с верхними передними зубами’, *ззщечный*, *ззнебный*. В таких конфигурациях локумы выступают в качестве внешних границ тела человека. Наблюдатель в этом случае всегда находится в фиксированной позиции по отношению к локуму, и перцептивные условия базовой ситуации не изменяются: наблюдатель сначала воспринимает X, затем его взгляд как бы движется в глубь тела человека, где располагается У. Именно такое положение дел метафорически реализовано в производном качественном значении прилагательного *зздушевный* ‘искренний, сердечный, глубоко личный, сокровенный’, то есть тот, который находится в глубине души, концептуализированной как вместилище.

Таким образом, мы увидели, что модификация базового пространственного значения обусловлена спецификой свойств объектов, участвующих в прототипической ситуации и в силу этой специфики варьирующих ее. Неизменность типа отношений между участниками ситуации позволяет говорить о вариантах одного значения приставки.

Перцептуальные признаки прототипической ситуации могут стать источником нового значения префикса в том случае, когда тип отношений между X и У переосмысляется. Например, значение **‘происходящий во время X’** реализуется в прилагательном *ззастольный* ‘происходящий за столом (во время еды)’. В данном прилагательном метонимически представлена ситуация еды: наблюдатель и локализуемый объект находятся по разные стороны стола-локума. Внимание может фокусироваться то на пространственной конфигурации, и тогда реализуется базовое локативное значение ‘находящийся дальше от наблюдателя, чем X’ (примеры 6 – 8), то на времени, в котором существует эта ситуация (примеры 4 – 5).

4) *Культура питания и застольного общения оставалась, что называется, «на уровне».* (Широкая, разгульная душа // Жизнь национальностей. 2001);

5) *Культура общения, и в частности застольного этикета, – целая наука* (Г. Лазарева);

6) *Я сел к столу и занялся каким-то делом, скорей всего писательским скрипучим застольным трудом* (Ю. Коваль);

7) *Серый, он был полон пренебрежительности по отношению пусть даже к длинным застольным рядам чиновников* (К. Сурикова);

8) *С ними рассказы обретали привкус достоверности, которую закреплял чаще всего застольный снимок слипшихся в обнимку нетрезвых людей* (Д. Симонова). Смещение фокуса с локативной составляющей ситуации на временную позволяет квалифицировать темпоральное значение как новое значение префикса.

Источником преобразования прототипической ситуации могут стать не только реальные свойства объектов или свойства, концептуализированные определенным образом, но и переосмысление типа отношений между объек-

тами. В этом случае следует говорить о новом значении префикса, поскольку приставка – релятивный элемент языка. Так возникло значение приставки *за-* ‘**происходящий после X**’ (*загробный, замогильный*). Производящие в этих прилагательных метонимически маркируют момент на оси времени, который является точкой отсчета и разделяет наблюдателя и локализуемый объект.

Н   X   У

Время метафорически осмысляется как ось, а следование событий одно после другого как нахождение одного за другим. Налицо переосмысление типа отношений между X и У, то есть новое значение префикса.

Несколько иная ситуация со значением ‘**находящийся за пределами X**’. Данное значение реализуется в прилагательных, производящие в которых концептуализируют X как объект, имеющий границы и задающий этими границами некоторую норму, относительно которой оценивается локализация У. Не соответствующий этой норме У локализуется в пространстве, не относящемся к X: *заштатный* ‘не входящий в число установленного состава служащих какого-л. учреждения, внештатный’, *запредельный* ‘находящийся за пределами чего-л.’, *закритический, затактный*. Причем приставка не просто констатирует расположение за пределами X, как это делает префикс *вне-*. В прилагательных с приставкой *за-* подобная локализация интерпретируется как выход из области, привычной наблюдателю, освоенной им, что отмечается и в дефинициях: *забалансовый* ‘бухгалтерские счета, предназначенные для учета временно находящиеся у предприятий или организаций ценностей, не принадлежащих им. Данные показываются после итога баланса, то есть за балансом’ [БСЭ]. Расположение объектов, названных в прилагательных *внебалансовый* и *забалансовый*, будет абсолютно одинаковым – за границами баланса, однако приставка *вне-* только констатирует это положение, а *за-* еще интерпретирует как отступление от обычного порядка.

Таким образом, мы можем говорить не только о перцептивных признаках прототипической ситуации, но и концептуальных: область между наблюдателем и X концептуализируется как своя, а область дальше X – как чужая. В подобных случаях перцептуальному признаку прототипической ситуации придается особая значимость, ценностный статус, то есть локативный компонент подвергается интерпретации. Возможно, что выбор приставки *за-* для номинации расположения объектов в таких конфигурациях обусловлен архаическими представлениями об устройстве мира, который делится на свое пространство и чужое, присвоенное и то, которое необходимо обживать. В этом языковая картина мира согласуется с мифологической [см.: Топоров 1961, Топоров 1983]. Область между наблюдателем и X оценивается как привычная, как освоенное пространство, а область дальше X – как чужая с соответствующими коннотациями, проявляющимися в тех качественных значениях прилагательных, которые фиксируются словарями: *заборный* – это не только ‘тот, который находится за бортом’, но и ‘выходящий за привычные рамки, нарушающий устои’, *закритический* ‘превышающий критические показатели’ и ‘неподсильный’, *запольный* ‘лежащий за полями’ и ‘дальний’, *заоблачный* ‘находящийся за облаками, выше облаков’ и ‘оторванный от действительности’, *заморский* ‘привозимый из-за границы’ и ‘чужестранный’, ‘о

далеких странах, городах', 'о невиданном, странном, причудливом', *заштатный* 'не входящий в штат' и 'не имеющий административного значения', *заумный* 'излишне, ненужно мудреный, непонятный'. Неосвоенность пространства, маркированного приставкой *за-*, может проявляться в значении качественного прилагательного как большое расстояние, непонятность, непривычность внешнего облика и поведения и т. п., она может быть как физической, так и умозрительной. В таких случаях имеет смысл говорить о метафорическом осмыслении концептуальных признаков базовой ситуации и о новом значении прилагательного.

Кроме того, данный концептуальный признак базовой ситуации актуализируется в значениях качественных прилагательных *заочный*, *заглазный*, *заспанный*. Спина и глаза или то пространство, которое может видеть глаз, концептуализированы как границы своего пространства, поэтому в значениях адъективов появляется смысл 'в отсутствие лица, которого дело касается, втайне от него'.

Итак, проведенный анализ позволяет утверждать, что локативный компонент является важнейшим в структуре значения адъективной приставки. Он организует значение как моно-, так и полисемантической единицы и принимает участие в актуализации различных когнитивных механизмов.

Перцептуальные признаки прототипической ситуации определяют базовое префиксальное значение. Свойства объектов, участвующих в конфигурации, отражаемой приставкой, могут стать источником варьирования прототипической ситуации. Отождествление этих вариантов осуществляется на основе стабильности одного или нескольких перцептуальных признаков последней. Значительный когнитивный вес пространственных характеристик объектов, требовательность прототипа к этой перцептуальной составляющей и концептуализация непредметных сущностей как предметных позволяет приставке распространять сферу употребления на непространственные области.

Другая составляющая перцептуальной стороны прототипической ситуации – взаиморасположение объектов – может когнитивно обрабатываться. Носитель языка, метафорически или метонимически осмысляя тип отношений в пространственной конфигурации, использует префикс в новом значении. Однако для некоторых приставок значимыми в организации значения являются не только пространственные характеристики материальных объектов и структура конфигурации, то есть чувственно воспринимаемые составляющие прототипической ситуации, но и то, как некоторые ее стороны интерпретируются носителем языка, то есть концептуальная составляющая.

ЛИТЕРАТУРА

БСЭ: Большая советская энциклопедия. М., 1969 – 1978.

Гак В.Г. Языковые преобразования. М., 1998.

Кириченко А.С. Системные семантические характеристики и область денотации предлога *между* // Исследование по семантике предлогов. М., 2000. С. 338 – 351.

- Крейдлин Г.Е.* Метафора семантических пространств и значение предлога // *Вопр. языкознания.* 1994. № 5. С. 19 – 31.
- Кронгауз М.А.* Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. М., 1998.
- Кустова Г.И.* Когнитивные модели в семантической деривации и система производных значений // *Вопр. языкознания.* 2000. № 4. С. 85 – 109.
- Кустова Г.И.* Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М., 2004.
- Маляр Т.Н., Селиверстова О.Н.* Пространственно-дистанционные предлоги и наречия в русском и английском языках. Мюнхен, 1998.
- Пайар Д., Плузьян В.А.* Предлог НАД: факты и интерпретации // *Исследования по семантике предлогов.* М., 2000. С. 83 – 114.
- Плузьян В.А., Рахилина Е.В.* По поводу «локалистской» концепции значения: предлог ПОД // *Исследования по семантике предлогов.* М., 2000. С. 115 – 133.
- Рябцева Н.К.* Помехи, преграды и препятствия в физическом, социальном и ментальном пространстве // *Логический анализ языка: Языки динамического мира.* Дубна, 1999. С. 119 – 137.
- Селиверстова О.Н.* Семантическая структура предлога НА // *Исследования по семантике предлогов.* М., 2000. С. 189 – 242.
- Топоров В.Н.* Локатив в славянских языках. М., 1961.
- Топоров В.Н.* Пространство и текст // *Текст: семантика и структура.* М., 1983. С. 98 – 123.
- Шерер В.Э.* О выражении пространственных отношений в кетском языке // *Вопр. языкознания.* 1979. № 5. С. 98 – 106.
- Janda L.* A geography of case semantics: the Czech dative and Russian instrumental. Berlin, 1993.
- Langacer R.* Concept, image and symbol: The cognitive basis of grammar. В.: Mouton de Gruyter, 1991.

А.Т. Грязнова

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА НЕОМИФОЛОГИЗАЦИИ В ПРОЗЕ РУССКОГО ФЭНТЕЗИ

В ряду современных литературных направлений, использующих художественный потенциал мифологии и неомифологии, проза фэнтези, изображающая альтернативные миры, хронологически соотносимые с античностью и Средневековьем, занимает особое место. И это вполне логично, ведь объектом изображения в фэнтези являются параллельные реальности, существующие по магическим законам, а магия – это оборотная сторона мифа. По утверждению Т.А. Апинян, «магия – руководство к действию, инструкция. За ней стоит миф как объяснительная модель, как идеология, как обоснование того, что и зачем совершается, какие последствия может иметь» [Апинян 2005: 175 – 176]. В то же время, размышляя о стиле русского фэнтези, следует помнить, что «миф – не жанр словесности, но факт мироощущения, кон-